

Елена К.

Тени Туманной Гавани

Елена К.

Тени Туманной Гавани

«Автор»

2026

К. Е.

Тени Туманной Гавани / Е. К. — «Автор», 2026

В прибрежном городе Туманная Гавань веками хранят тайну: древняя Бездна, дремлющая в морских глубинах, время от времени пробуждается, чтобы испытать волю и память его жителей. Когда зловещий туман окутывает улицы, а призраки прошлого зовут за собой, лишь немногие способны противостоять чарам. Елена, хранительница магического камня, девочка Лиза с даром чувствовать нити судьбы и старый смотритель маяка встают на защиту города. Им предстоит не просто отразить атаки Бездны — но разгадать её замысел, научиться превращать её оружие против неё самой и напомнить Туманной Гавани, что истинная сила — в памяти, доверии и связи между людьми. Мистическое фэнтези о борьбе света и тьмы, где главное сражение происходит не на полях битв, а в сердцах тех, кто готов защищать свой дом до конца.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Ложь во спасение	8
Глава 3. Цена ошибки	11
Глава 4. Пробуждение Глубинного	14
Глава 5. Танец памяти	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена К. Тени Туманной Гавани

Глава 1. Прибытие без возврата

Елена Морозова сошла с последнего парома на пристань Туманной Гавани в сумерках. Город встретил её густым, почти осязаемым туманом — он клубился у ног, цеплялся за подол пальто, будто пытался остановить. Тишина была такой плотной, что заглушала плеск волн. Даже чайки, обычно крикливые в это время суток, молчали.

— Вы точно хотите остаться на ночь? — водитель автобуса, единственный человек на пристани, смотрел на неё с тревогой. Его глаза странно блестели в свете фонаря, будто отражали что-то, чего Елена не могла увидеть. — Паром обратно идёт только утром.

— Я здесь по делу, — Елена поправила рюкзак, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Мне нужен маяк.

Водитель вздрогнул так сильно, что фонарь в его руке задрожал, отбрасывая прыгающие тени на мокрый асфальт.

— Маяк? — его голос понизился до шёпота, почти сливаясь с шумом прибоя. — Девушка, послушайте совета: переночуйте в гостинице, а утром уезжайте. Не ходите к маяку. Особенно ночью.

Он сделал шаг ближе, и Елена уловила странный запах — не пота или табака, а чего-то древнего, затхлого, будто из заброшенной могилы.

— Почему? — она заставила себя посмотреть ему в глаза.

Водитель отшатнулся, будто она ударила его.

— Потому что он зовёт, — прошептал он. — Сначала шёпотом. Потом громче. И если услышишь — уже не сможешь уйти. Твой отец... он тоже слышал.

Елена замерла.

— Вы знали моего отца?

Но водитель уже пятился к автобусу.

— Уезжайте, пока можете, — бросил он через плечо. — Пока он не выбрал вас.

Автобус тронулся с места и растворился в тумане, оставив после себя лишь слабый запах гари и ощущение, что за Еленой кто-то наблюдает.

Она повернулась к городу. Вдалеке, на скале, виднелся силуэт башни — тёмный, угловатый, будто вырезанный из самой тьмы. Маяк моргнул — один раз, второй, — и загорелся неровным, прерывистым светом.

Где-то вдали раздался гудок корабля — слишком близко к скалам.

— Нет, — прошептала Елена, ускоряя шаг. — Только не снова...

Её отец пропал год назад. Последний раз его видели у маяка. И теперь она должна узнать правду. Во что бы то ни стало.

Гостиница «Прибрежная» оказалась почти пустой. Хозяин, седой мужчина с тревожными глазами, молча протянул ей ключ. Его пальцы дрожали, а на тыльной стороне ладони Елена заметила странный шрам — в форме спирали, будто кто-то выжег его раскалённым железом.

— Комната 13, второй этаж, — его голос дрожал. — Но если услышите шаги в коридоре... не открывайте дверь. И не смотрите в окно после полуночи.

Елена поднялась наверх. Комната была маленькой, но чистой. Она положила рюкзак на кровать и подошла к окну.

Маяк светил — не ровным белым светом, как положено, а прерывисто, будто кто-то зажигал и гас лампу. И каждый раз, когда свет гас, туман вокруг башни сгушался, принимая очертания

ния фигур. Они двигались не как люди — слишком плавно, слишком синхронно, будто управляемые единой волей.

Елена достала блокнот отца. На последней странице было написано: «Они не утонули. Их забрали. Маяк — это дверь. Дверь в мир, где время течёт иначе, а тени имеют зубы».

За спиной раздался скрип.

Она резко обернулась.

На стене, в лунном свете, появилась тень. Высокая фигура в длинном плаще. Тень подняла руку и указала на окно — прямо на маяк. Затем медленно подняла другую руку и прижала палец к тому месту, где должен был быть рот. «Молчи», — казалось, говорила она.

— Кто ты? — Елена сжала кулаки, стараясь унять дрожь в голосе.

Тень не ответила. Она медленно растворилась в воздухе, оставив после себя запах соли и чего-то гнилостного — будто море начало разлагаться.

Телефон не ловил сеть. Часы на стене остановились на 03:33. Елена почувствовала, как по коже побежали мурашки — не от холода, а от чего-то иного, первобытного.

Она поняла: она уже не может просто уехать. Туманная Гавань взяла её в плен. И единственный способ вырваться — дойти до конца.

К маяку вела одна дорога — узкая, каменистая, петляющая между скал. Туман цеплялся за ноги, будто пытался остановить, а где-то в глубине сознания Елена слышала шёпот — тихий, настойчивый: «Останься. Присоединись. Ты ведь всё равно потеряна».

У подножия башни Елена увидела человека. Он сидел на камне, обхватив голову руками. Его плащ был мокрым от тумана, а пальцы — в царапинах, будто он пытался что-то отколоть от камня.

— Вы — смотритель? — она подошла ближе.

Мужчина поднял голову. Его глаза были красными, будто он не спал несколько дней, а под ними залегли тёмные круги, напоминающие символы с древних надгробий.

— Уходи, — прохрипел он. — Пока можешь.

— Мой отец был здесь перед тем, как исчез, — Елена достала фотографию. — Вы его видели?

Смотритель вздрогнул. Его взгляд на мгновение стал осмысленным, а затем снова затуманился.

— Да... — он сглотнул. — Он знал. Он понял, что маяк не просто так топит корабли. Он собирает души. Каждую жертву — в хранилище под башней. Твой отец пытался остановить это. Но маяк... он выбирает.

— Кого?

— Тех, кто потерял что-то важное. Тех, чья боль делает их уязвимыми. Твой отец потерял жену. А ты... ты потеряла отца. И теперь маяк чувствует твою тоску. Он зовёт тебя по имени. Ты же слышишь, правда?

Елена почувствовала, как внутри всё похолодело. Она действительно слышала — едва уловимо, будто сквозь толщу воды: «Лена... Лена... Иди к нам...»

— Значит, я следующая?

Смотритель кивнул.

— Но есть способ. — Он поднялся, пошатываясь. — Нужно найти сердце маяка. То, что заставляет его работать. И уничтожить его.

— Где оно?

— Внизу. Под башней. Но будь осторожна. Маяк не отдаст его просто так. Он покажет тебе то, чего ты боишься больше всего. Он заставит тебя усомниться в себе. В своей памяти. В своей реальности.

В этот момент свет маяка погас.

Из темноты донёлся шёпот — десятки голосов, шепчущих её имя. Они звучали так знакомо: мама, папа, друзья детства, которых она давно не видела.

— Они уже идут, — прошептал наблюдатель. — Прячься.

Но прятаться было поздно.

Тени вышли из тумана.

Они были похожи на людей — но только издалека. Приближаясь, их черты искажались, вытягивались, а глаза горели фиолетовым светом, пульсируя в такт ударам сердца.

— Елена... — шептали они. — Ты пришла. Наконец-то. Мы так долго ждали.

Один из них вышел вперёд. И Елена узнала лицо.

Это был её отец.

Его губы шевелились, но голос доносился не из его рта, а откуда-то изнутри её сознания: «Дочка, я так рад, что ты здесь. Теперь мы будем вместе. Навсегда. Разве не этого ты хотела?»

Глава 2. Ложь во спасение

— Папа? — её голос дрожал, а сердце разрывалось между радостью и ужасом.

Фигура улыбнулась — слишком широко, неестественно.

— Лена, — голос звучал почти как его, но с металлическим эхом, будто доносился из глубокой шахты. — Я так рад, что ты пришла. Теперь мы можем быть вместе. Навсегда.

— Ты не он, — Елена отступила, сжимая в кармане нож, который дала ей хозяйка гостиницы. — Маяк использует его образ.

— О, но я очень похож, — фигура сделала шаг вперёд. — И я знаю всё, что знал он. Например, как ты винишь себя в смерти мамы. Как думаешь, что если бы тогда осталась с ней... она была бы жива. Как боишься, что станешь такой же одинокой, как он.

Елена задохнулась. Эти мысли она прятала от себя.

Альтернативный сюжет. Тёмное пробуждение

Глава 4. Ложь во спасение (продолжение)

— Ты не он, — Елена отступила, сжимая в кармане нож, который дала ей хозяйка гостиницы. — Маяк использует его образ.

— О, но я очень похож, — фигура сделала шаг вперёд. — И я знаю всё, что знал он. Например, как ты винишь себя в смерти мамы. Как думаешь, что если бы тогда осталась с ней... она была бы жива. Как боишься, что станешь такой же одинокой, как он.

Елена задохнулась. Эти мысли она прятала глубоко внутри — даже в дневниках не записывала, боясь, что кто-то прочтёт.

— Видишь? — фигура рассмеялась, и от этого смеха затряслись камни под ногами. — Маяк знает всё. Он читает души, как открытые книги. И он предлагает тебе сделку: останься с нами. Стань частью вечности. Ты больше никогда не будешь одинока.

Фигура протянула руку. В свете мерцающего маяка Елена увидела, что пальцы отца полупрозрачные, сквозь них просвечивают звёзды.

— Нет, — она отступила ещё на шаг. — Мой отец никогда бы не предложил мне стать призраком. Он хотел, чтобы я жила.

Тени вокруг зашевелились, зашипели, будто змеи.

— Глупая девочка, — голос изменился, стал глубже, древнее. — Ты всё равно будешь нашей. Просто немного позже.

В этот момент смотритель ударил в гонг, который Елена раньше не замечала. Резкий, вибрирующий звук прорезал туман, отозвался болью в зубах и звоном в ушах. Тени отпрянули, зашипели, растворились в воздухе, оставив после себя запах озона и чего-то горелого.

— Быстрее, — смотритель схватил её за руку. — Пока они не вернулись. Сердце маяка — под башней. Но помни: оно покажет тебе правду. А правда может быть страшнее лжи.

Они спустились по узкой лестнице в подземелье. Ступени были неровными, будто вырубленными в спешке. Воздух здесь был тяжёлым, пах плесенью и чем-то сладким — как кровь, смешанная с мёдом. Стены покрывали символы, которые шевелились, когда на них не смотрели прямо.

В центре зала стоял пьедестал. На нём лежал чёрный камень — не гладкий, а бугристый, пульсирующий, будто живое сердце. Его ритм совпадал с биением крови в висках Елены.

— Это оно, — прошептал смотритель. — Сердце маяка. Источник проклятия.

Елена подошла ближе. Камень начал светиться, и перед ней возникли образы:

Её отец, стоящий у маяка, шепчущий какие-то слова. В его глазах — решимость и печаль.

Корабль, идущий прямо на скалы, хотя капитан явно пытался повернуть. Лица моряков искажены ужасом, но они не могут пошевелиться.

Смотритель, кладущий руку на камень и кричащий от боли. Символы на его ладони вспыхивают, впитываясь в кожу.

И наконец — она сама, стоящая здесь, в этом зале, с ножом в руке. Но в видении её глаза были пустыми, а на губах — та же неестественная улыбка, что сейчас у призрака отца.

— Оно показывает будущее? — её голос дрожал.

— Или вариант будущего, — смотритель сжал её плечо. — Выбор всё ещё за тобой. Но будь осторожна: камень не просто показывает. Он убеждает. Заставляет поверить, что это единственный путь.

Камень пульсировал всё быстрее. Шёпот вернулся — теперь он звучал в голове, повторяя: «Убей смотрителя. Возьми сердце. Стань новой хранительницей. Ты избавишь город от проклятия. Ты станешь спасительницей».

Елена подняла нож. Лезвие блеснуло в свете камня.

Но вместо того, чтобы ударить смотрителя, она вонзила лезвие в камень.

Треск. Вспышка. Крик — не один, а множество голосов, слившихся в едином вопле. Сердце маяка расколосось.

Из трещины вырвался вихрь чёрного тумана. Он закружился по залу, поднимая пыль и обломки. Елена почувствовала, как её отрывает от земли, несёт к трещине.

— Держись! — смотритель схватил её за руку, но туман затягивал всё сильнее.

Перед глазами замелькали видения:

Древние люди, строящие маяк на месте древнего святилища. Они не знали, что пробуждают.

Смотрители разных эпох, пытающиеся сдержать силу. Некоторые сдавались, становились частью маяка.

Её отец, который нашёл способ ослабить проклятие, но не уничтожить его. Он пожертвовал собой, чтобы дать ей шанс.

Будущее, которого не будет: город, поглощённый туманом, души, ставшие тенями, маяк, ставший вратами в мир кошмаров.

— Отпусти! — закричала Елена, цепляясь за руку смотрителя. — Я не хочу!

Туман отступил так же внезапно, как появился. Елена упала на колени, задыхаясь.

— Ты справилась, — смотритель помог ей подняться. — Ты не поддавалась искушению.

Свет маяка изменился. Вместо прерывистого, зловещего мерцания он стал ровным, белым. Туман начал рассеиваться, открывая звёзды на небе.

— Что теперь? — Елена подняла глаза на смотрителя.

Смотритель молчал слишком долго. Его лицо исказилось, будто он боролся с чем-то внутри себя.

— Теперь... — его голос стал чужим, металлическим. — Теперь врата открыты.

Он резко оттолкнул Елену. Его глаза засветились фиолетовым светом — тем же, что и у теней.

— Ты думала, что разрушила проклятие? — он рассмеялся, и смех этот был похож на скрежет камня о камень. — Нет. Ты лишь сломала печать.

Стены подземелья задрожали. Символы на них начали кровоточить — густая чёрная жидкость стекала по камню.

— Кто ты? — прошептала Елена, отползая к стене.

— Я — последний из тех, кто служил маяку добровольно, — смотритель поднял руки. От его пальцев потянулись чёрные нити, оплетая зал. — Все эти годы я ждал. Ждал, пока кто-нибудь достаточно наивный и храбрый разрушит сердце. И ты сделала это. Спасибо.

Он сделал шаг вперёд. Его фигура начала меняться — вытягиваться, расти. Пальцы превратились в когти, глаза стали двумя фиолетовыми провалами.

— Маяк не был тюрьмой, девочка, — его голос теперь звучал отовсюду. — Он был печатю. А я — её хранителем. Но теперь... теперь я свободен. И Бездна, что дремала под этим городом, пробуждается.

Туман снаружи начал меняться. Он больше не был просто туманом — он стал живым, осязаемым. Из него начали проявляться очертания чудовищ: фигуры с множеством глаз, существа с щупальцами вместо рук, тени с раскрытыми пальцами.

— Что ты наделала, — прошептал прежний смотритель где-то глубоко внутри этого существа. — Ты освободила не стража. Ты освободила Пожирателя миров.

Елена почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она поняла свою ошибку: сердце маяка не было источником зла. Оно было барьером, сдерживающим нечто гораздо более древнее и ужасное.

Она бросилась к осколкам камня. Один из них всё ещё слабо пульсировал.

— Если я сломала его... — она схватила осколок. — Может, я смогу его починить?

Существо, бывшее смотрителем, расхохоталось:

— Слишком поздно. Бездна уже здесь. Она в воздухе, в воде, в самих камнях этого города. И она голодна.

Туманная Гавань проснулась в новом мире.

На улицах не было людей. Только тени, скользящие вдоль стен, шепчущие что-то на языке, который резал слух. Море больше не шумело — оно замерло, став чёрным зеркалом, отражающим небо, которого не существовало.

Елена бежала по улицам, задыхаясь от запаха гнили и соли. Она искала хоть кого-то живого.

У гостиницы «Прибрежная» она остановилась. Вывеска скрипела на ветру, буквы сложились в слова: «Добро пожаловать домой, хранительница».

— Никто не должен был выжить, — раздался голос за спиной.

Она обернулась. Перед ней стоял смотритель — но уже не тот, кого она знала. Его тело было полупрозрачным, пронизанным фиолетовыми нитями.

— Почему я? — Елена сжала осколок камня в руке. Тот пульсировал всё слабее.

— Потому что ты особенная, — существо улыбнулось. — Твоя боль, твоя вина, твоя любовь — всё это делает тебя идеальной проводницей.

Глава 3. Цена ошибки

Туманная Гавань проснулась в новом мире.

На улицах не было людей. Только тени, скользящие вдоль стен, шепчущие что-то на языке, который резал слух, будто осколки стекла. Море больше не шумело — оно замерло, став чёрным зеркалом, отражающим небо, которого не существовало. В его глубине шевелились неясные очертания, будто что-то огромное и древнее медленно пробуждалось от векового сна.

Елена бежала по улицам, задыхаясь от запаха гнили и соли, смешанного с чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным, напоминающим разлагающиеся цветы. Она искала хоть кого-то живого, но каждый дом, в который она заглядывала, был пуст. Только на стенах оставались следы — странные символы, выцарапанные, казалось, ногтями, и надписи на незнакомом языке, которые шевелились, когда на них не смотрели прямо.

У гостиницы «Прибрежная» она остановилась. Вывеска скрипела на ветру, буквы сложились в слова: «Добро пожаловать домой, хранительница».

— Никто не должен был выжить, — раздался голос за спиной.

Она обернулась. Перед ней стоял смотритель — но уже не тот, кого она знала. Его тело было полупрозрачным, пронизанным фиолетовыми нитями, которые пульсировали в такт чему-то, что Елена не могла услышать, но ощущала всем существом — как давление в висках, как холод в костях.

— Почему я? — Елена сжала осколок камня в руке. Тот пульсировал всё слабее, отдавая последние крохи тепла.

Существо улыбнулось — слишком широко, неестественно, растягивая губы до тех пор, пока они не треснули по краям, обнажая что-то чёрное и блестящее под кожей.

— Потому что ты особенная, — его голос звучал одновременно отовсюду и изнутри её головы. — Твоя боль, твоя вина, твоя любовь — всё это делает тебя идеальной проводницей. Ты открыла врата не случайно. Ты была предназначена для этого.

— Предназначена? — Елена отступила, но стены домов вокруг неё будто сдвинулись ближе, отрезая пути к отступлению. — Я не хотела этого! Я пыталась всё исправить!

— Исправить? — существо сделало шаг вперёд, и земля под его ногами почернела, покрываясь трещинами, из которых сочилась та же фиолетовая субстанция. — Ты не понимаешь. Нет никакого «исправить». Есть только цикл. Разрушение и возрождение. Смерть и поглощение. Твой отец знал это. Он тоже был проводником — но испугался. Отказался принять свою судьбу.

— Лжёшь! — Елена подняла осколок камня, направив его, как оружие. — Мой отец пытался остановить это! Он хотел спасти людей!

Существо расхохоталось, и от этого смеха затряслись камни, посыпалась штукатурка с домов, а в небе, там, где ещё недавно были звёзды, появились чёрные разрывы, из которых сочился тот же фиолетовый свет.

— Спасти? — оно склонило голову набок, и Елена увидела, что его шея слишком гибкая, неестественно изогнутая. — Он пытался запечатать Бездну. Но она не может быть запечатана. Она — часть мироздания. Часть, которую люди забыли. А теперь... теперь она возвращается. И ты поможешь ей.

— Никогда, — Елена отступила ещё на шаг, но почувствовала, как что-то холодное и скользкое обвилось её лодыжку. Она опустила взгляд — из трещин в земле выползли чёрные щупальца, покрытые каплями фиолетовой жидкости.

— О, ты уже помогаешь, — существо подняло руку, и щупальца потянули Елену вперёд, к нему. — Каждый твой страх. Каждая твоя слеза. Каждая мысль о том, что ты виновата в смерти

матери, в исчезновении отца... Всё это питает Бездну. И чем сильнее ты сопротивляешься, тем больше сил ей даёшь.

Елена почувствовала, как её воля начинает ослабевать. В голове зазвучали голоса — шёпот, который она слышала у маяка, но теперь он стал громче, настойчивее:

«Прими это. Прими свою судьбу. Ты не можешь бороться с неизбежным. Стань частью чего-то большего. Забудь боль. Забудь одиночество. Просто отпусти...»

— Нет! — она закричала, сжимая осколок камня так сильно, что он впился в ладонь, оставив глубокий порез. Боль отрезвила её. — Я не сдамся!

Осколок в её руке вдруг вспыхнул слабым серебристым светом. Фиолетовые шупальца отпрянули, зашипев, как кислота на металле.

— Что это? — существо отступило на шаг, его черты на мгновение дрогнули, обнажая под собой что-то ещё более древнее и ужасное. — Этого не может быть... Камень разрушен!

— Не весь, — Елена подняла руку, и свет от осколка стал ярче, разгоняя тени вокруг. — Часть его осталась во мне. Мой отец... он не просто пожертвовал собой. Он вложил часть камня в меня. Защиту. Последний шанс.

Существо зарычало — звук был низким, вибрирующим, от которого задрожали стёкла в окнах.

— Глупая девочка! Ты думаешь, это что-то изменит? Бездна уже здесь. Она в воздухе, в воде, в самих камнях этого города. И она голодна.

Свет от осколка начал расширяться, образуя вокруг Елены слабый защитный круг. Тени отступили, но не исчезли — они кружили по краям, шипя и скалясь.

— Тогда пусть она получит то, что хочет, — Елена закрыла глаза, сосредотачиваясь на тепле осколка, на памяти об отце, на своём желании спасти этот город, даже если для этого придётся пожертвовать собой. — Но не через меня.

Она подняла осколок над головой и произнесла слова, которые вдруг всплыли в её сознании — не на языке людей, а на том самом древнем, режущем слух наречии, что звучал в её кошмарах:

— Аэрис валор тал!

Осколок взорвался ослепительной вспышкой.

Вспышка ослепила Елену, но когда она открыла глаза, мир вокруг изменился.

Тени отступили к краям улиц, сжимаясь в чёрные сгустки. Существо, бывшее зрителем, корчилось на земле, его форма распадавалась, обнажая под собой нечто огромное и бесформенное — очертания древнего бога, скованного под городом.

— Ты... — его голос теперь звучал слабее, искажённо. — Ты использовала Заклинание Отречения. Но оно требует жертвы...

Елена почувствовала, как силы покидают её. Осколок камня исчез, растворившись в воздухе, а вместе с ним уходила и её связь с реальностью. Она начала понимать цену заклинания: чтобы оттолкнуть Бездну, нужно было предложить ей что-то равноценное. И этим «чем-то» была она сама.

— Я знаю, — она улыбнулась, хотя ноги уже подкашивались. — Это был единственный способ.

Существо попыталось подняться, но его тело распадалось на части, превращаясь в туман.

— Ты не победишь, — прошипело оно. — Бездна вернётся. Она всегда возвращается.

— Может быть, — Елена опустилась на колени, чувствуя, как холод проникает в кости. — Но в следующий раз кто-то будет готов. Кто-то вспомнит.

Небо над городом начало проясняться. Чёрные разрывы затянулись, звёзды вернулись на свои места. Туман рассеивался, открывая очертания домов, которые больше не казались зловещими.

Где-то вдали раздался гудок корабля — чистый, ясный звук, не искажённый проклятием маяка.

Елена улыбнулась в последний раз. Её тело начало растворяться в воздухе, превращаясь в серебристую пыль, которая поднялась в небо и исчезла в лунном свете.

Но где-то глубоко под городом, в самом сердце Бездны, что-то дрогнуло. Что-то запомнило. И в этом воспоминании была не только тьма — но и свет.

Вспышка ослепила Елену, но когда она открыла глаза, мир вокруг изменился. Тени отступили к краям улиц, сжимаясь в чёрные сгустки, будто живые существа, которых загнали в угол. Существо, бывшее зрителем, корчилось на земле, его форма распадавалась, обнажая под собой нечто огромное и бесформенное — очертания древнего бога, скованного под городом.

— Ты... — его голос теперь звучал слабее, искажённо, словно доносился из бездонной пропасти. — Ты использовала Заклинание Отречения. Но оно требует жертвы...

Елена почувствовала, как силы покидают её. Осколок камня исчез, растворившись в воздухе, а вместе с ним уходила и её связь с реальностью. Она начала понимать цену заклинания: чтобы оттолкнуть Бездну, нужно было предложить ей что-то равноценное. И этим «чем-то» была она сама.

— Я знаю, — она улыбнулась, хотя ноги уже подкашивались. — Это был единственный способ.

Существо попыталось подняться, но его тело распадалось на части, превращаясь в туман.

— Ты не победишь, — прошипело оно. — Бездна вернётся. Она всегда возвращается.

— Может быть, — Елена опустила на колени, чувствуя, как холод проникает в кости. — Но в следующий раз кто-то будет готов. Кто-то вспомнит.

Небо над городом начало проясняться. Чёрные разрывы затянулись, звёзды вернулись на свои места. Туман рассеивался, открывая очертания домов, которые больше не казались зловещими. Где-то вдали раздался гудок корабля — чистый, ясный звук, не искажённый проклятием маяка.

Елена улыбнулась в последний раз. Её тело начало растворяться в воздухе, превращаясь в серебристую пыль, которая поднялась в небо и исчезла в лунном свете.

Но где-то глубоко под городом, в самом сердце Бездны, что-то дрогнуло. Что-то запомнило. И в этом воспоминании была не только тьма — но и свет.

Глава 4. Пробуждение Глубинного

Прошли недели, или века — время в Туманной Гавани больше не имело смысла. Город застыл в странном равновесии: туман больше не убивал, но и не отпускал. Он окутывал улицы, словно паутина, ловя в свои сети воспоминания, страхи, обрывки снов.

На вершине маяка появилась фигура. Не Елена — но и не совсем чужая. Её черты менялись, то напоминая девушку, то принимая очертания древних богов, чьи имена давно забыты. Глаза фигуры светились серебром — тем же светом, что исходил от Елены в момент её жертвы.

— Ты думала, что победила, — голос звучал одновременно как шёпот ветра и как гул океанских глубин. — Но жертва — это не конец. Это начало.

Внизу, у подножия маяка, начали собираться тени. Но теперь они были другими — не хаотичными, не злобными. Они кружились в странном танце, выстраиваясь в символы, которые когда-то покрывали стены подземелья.

— Я не хотела этого, — фигура подняла руки, и туман вокруг неё заструился, подчиняясь невидимому ритму. — Но я здесь. И я помню.

Из моря поднялся туман — не серый, а иссиня-чёрный, пронизанный фиолетовыми прожилками. Он принял очертания огромного лица с пустыми глазами.

— Ты, — голос Бездны сотрясал камни, заставляя их вибрировать в унисон с сердцебиением мира. — Ты стала мостом. Между мирами. Между жизнью и смертью. Между светом и тьмой.

— Я не просила об этом, — фигура на маяке выпрямилась. — Но если так — я буду стоять на страже.

Бездна рассмеялась — звук был похож на треск льда и вой ветра в ущельях.

— О, ты будешь больше, чем стражем. Ты станешь проводником. И когда придёт время, ты откроешь врата. Потому что равновесие требует жертв. А ты уже отдала себя.

Фигура молчала. В её серебряных глазах отражались не звёзды — а целые галактики, спирали туманностей, рождение и гибель миров.

— Если я должна быть мостом, — тихо произнесла она, — то пусть по нему пойдут не тени. Пусть по нему пройдут те, кто сможет исцелить раны мира.

Бездна замолчала. На мгновение показалось, что она задумалась — если такое существо вообще способно думать, как люди.

— Смелое заявление. Но помни: ты часть меня. И однажды тьма востребует своё. В городе начали происходить странные вещи.

Люди, которые считались пропавшими, возвращались. Они не помнили, где были, но в их глазах застыл отблеск чего-то древнего. Они начинали рисовать странные символы на стенах, напевать мелодии без слов, которые заставляли собак выть, а детей плакать во сне.

Маленькая девочка, Лиза, подошла к маяку и подняла глаза на фигуру наверху.

— Тётя, — её голос был чистым и звонким, — почему ты такая светлая?

Фигура на маяке вздрогнула. Впервые за долгое время она почувствовала что-то, кроме холодной вечности.

— Как тебя зовут? — её голос дрогнул.

— Лиза, — девочка улыбнулась. — А тебя?

Фигура замерла. Имя... Она забыла своё имя. В памяти остались обрывки: отец, камень, туман, жертва... Но не имя.

— Я... — она закрыла глаза, пытаясь ухватить ускользающую нить. — Я была Еленой. Елена Морозова.

Как только она произнесла это, серебряный свет вокруг неё вспыхнул ярче. Туман вокруг маяка зашевелился, будто встревоженный.

— Ты не должна помнить, — голос Бездны прозвучал в её сознании. — Память — это слабость.

— Нет, — Елена выпрямилась. — Память — это сила. Я помню свою жертву. Я помню свой выбор. И я помню, что обещала: защитить этот город.

Она подняла руки. Серебряный свет хлынул вниз, окутывая город, проникая в дома, касаясь лбов спящих. Люди вздыхали во сне, их лица разглаживались, а на губах появлялись первые за долгое время улыбки.

— Глупо, — прошипела Бездна. — Ты думаешь, что можешь противостоять мне с помощью... доброты?

— Не с добротой, — Елена посмотрела вниз, на Лизу, которая всё ещё стояла и улыбалась ей. — С надеждой. С верой. С памятью о том, что даже в самой глубокой тьме есть свет.

Она сделала шаг вперёд, спрыгивая с маяка. Приземлилась мягко, как падают снежинки. Подошла к девочке и протянула руку.

— Пойдём, Лиза. Пора показать городу, что он больше не один.

Елена стояла на пристани, держа за руку Лизу. Серебряный свет маяка окутывал их, создавая вокруг мерцающий купол, сквозь который проглядывали очертания других миров — туманные силуэты городов, парящих островов, лесов с деревьями, чьи кроны касались звёзд.

— Что это? — Лиза заворожённо смотрела сквозь купол, пытаясь коснуться призрачных образов.

— Это... отголоски, — Елена взглядела в один из образов — там, в дымке, она увидела себя, идущую по улицам Туманной Гавани, но в другой одежде, с другим выражением лица. — Отражения того, что могло быть. Или будет.

Лиза потянула её за руку:

— А почему они такие грустные?

Елена замерла. Действительно, все отражения несли на себе печать печали: склонившиеся фигуры, опущенные головы, застывшие в крике рты.

— Потому что они не нашли свой путь, — раздался голос за их спинами.

Они обернулись. На краю пристани стоял человек в длинном плаще. Его лицо скрывал капюшон, но Елена почувствовала, как внутри всё похолодело — она знала этого человека. Не по имени, а по ощущению, которое он вызывал: смесь страха, тоски и странной, почти забытой любви.

— Кто вы? — Елена шагнула вперёд, загоразивая собой Лизу.

Человек откинул капюшон. Перед ними стоял мужчина средних лет с усталыми глазами и сединой на висках. Он был похож на...

— Отец? — выдохнула Елена.

— Не совсем, — он улыбнулся печально. — Я — тот, кем он мог бы стать, если бы не пожертвовал собой. Отголосок. Тень, что осталась в памяти маяка.

— Но... как?

— Маяк — не просто камень и металл, — он подошёл ближе. — Он — зеркало миров. Каждый, кто связан с ним судьбой, оставляет здесь след. Твой отец оставил свой выбор. Ты — свой. И теперь ты должна сделать ещё один.

— О чём вы говорите?

— Бездна не исчезла, — его голос стал глуше, будто доносился из-под воды. — Она отступила, но её голод не утолён. Она будет искать новые пути — через сны жителей, через шёпот волн, через трещины в реальности.

Лиза вцепилась в руку Елены:

— Я слышала её ночью. Она звала меня. Говорила, что покажет мне маму, если я пойду к маяку.

Елена почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Она уже начала, — отголосок отца кивнул. — Бездна питается надеждами. Особенно детскими. Чем чище душа, тем слаще для неё этот дар.

— Что же делать? — Елена сжала руку Лизы.

— Есть способ, — он протянул ладонь. На ней лежал осколок чёрного камня — такой же, как тот, что Елена разбила, но с серебристой прожилкой посередине. — Последний осколок сердца маяка. Он сохранил часть силы твоего отца. Если ты объединишь его со своей памятью, со своей волей, ты сможешь создать защиту. Но цена будет высока.

— Какая цена?

— Ты должна будешь вспомнить всё. До последней детали. Все свои страхи, все свои ошибки, все моменты, когда ты чувствовала себя слабой. Бездна использует это против тебя. Но только так ты сможешь превратить маяк в щит, а не в врата.

Елена посмотрела на Лизу, на город за спиной, на маяк, чей свет теперь казался таким хрупким.

— Я готова.

Глава 5. Танец памяти

Они поднялись на вершину маяка. Отголосок отца провёл их в самую верхнюю комнату — круглое помещение с панорамными окнами, где раньше находилась лампа. Теперь здесь не было ничего, кроме каменного круга в центре пола, испещрённого символами, которые шевелились, когда на них не смотрели прямо.

— Встань в центр, — сказал отголосок. — Закрой глаза. И позволь воспоминаниям прийти.

Елена сделала шаг вперёд. Камень под ногами был холодным, но постепенно начал нагреваться, пульсировать в такт её сердцебиению.

— Вспомни первый день в Туманной Гавани, — голос отголоска звучал отовсюду и ниоткуда. — Вспомни страх. Вспомни решимость. Вспомни, как ты поняла, что это место — не просто город.

Перед глазами замелькали образы:

Пристань, туман, водитель автобуса с тревожными глазами.

Гостиница «Прибрежная», комната 13, остановившиеся часы.

Тени на стенах, шёпот, маяк, мигающий в ночи.

Отец — не призрак, а живой человек, обнимающий её в детстве. Его голос: «Никогда не бойся идти до конца, Лена. Правда важнее страха».

Смотритель, его предупреждение, его предательство.

Разбитый камень, вихрь тьмы, выбор, который она сделала.

Каждый образ был не просто картинкой — он нёс с собой эмоции: боль потери, радость встречи, ужас перед неизведанным, решимость бороться.

— Теперь скажи это вслух, — велел отголосок. — Призови свою память. Призови силу своего выбора.

Елена глубоко вдохнула и произнесла, вкладывая в слова всю свою волю:

— Я, Елена Морозова, дочь Андрея Морозова, хранительница Туманной Гавани, принимаю свою судьбу. Я помню свой страх. Я помню свою боль. Я помню свою любовь. И я заявляю: этот город больше не будет жертвой. Маяк будет щитом. Туман будет завесой. А Бездна... Бездна будет знать: здесь есть те, кто встанет на её пути.

Осколок в её руке вспыхнул ослепительным светом. Символы на полу загорелись серебром, образуя сложный узор, который начал подниматься вверх, окутывая маяк сияющей сетью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.